
«МЯГКАЯ МОЩЬ»: ОБНОВЛЕННЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ

В.С. Изотов

Кафедра мировой и российской политики
Московский государственный университет
Ломоносовский проспект, 25, Москва, Россия, 119192

В работе акцентируется внимание на критически важных информационных и идеологических аспектах внешнеполитической стратегии РФ, одновременно пересматривая и уточняя понятие «Soft power» («Мягкой мощи») в контексте быстроменяющегося пространства глобальной политики.

В силу известных и, к сожалению, объективных причин в последние годы усиливается международная изоляция России, в том числе в информационно-идеологической области. Одним из способов преодоления негативных тенденций может стать модернизация внешнеполитической стратегии на основе смены операциональных инструментов и идеологических акцентов. Становится все более очевидным, что реальный внешнеполитический успех в условиях глобальной системы достигается именно через «Soft power». Причем методологические призмы надо настраивать с точки зрения глобального медиаконтинуума как непрерывного пространства.

В работе предпринята попытка уточнить и концептуализировать понятие российской «мягкой мощи» как целенаправленной внешней идеологии, нуждающейся в обновлении. Рассмотрены функциональные особенности «мягкой мощи» как технологии, оперирующей образами, имиджами, политическими и моральными экстраполяциями.

Ключевые слова: «мягкая сила», внешняя политика РФ, глобализация, глобальное медиапространство.

Сегодня смысловые границы и коннотационные контексты «мягкой мощи» определяются произвольно: от пропагандистских технологий внешней политики до совокупности всех методов воздействия, кроме прямого военного давления. Концептуальная размытость содержания, методов, понятий и подходов оставляют достаточный потенциал для теоретической доработки.

Контент-анализ русскоязычного медиапространства свидетельствует о том, что термин «мягкая мощь» (сила, власть) в основном встречается в политико-экономической публицистике. Как неологизм в сфере политических наук (в частности, на субдисциплинарном уровне теории международных отношений) он используется реже.

Концепция «мягкой мощи» даже в англоязычной литературе не окончательна и открыта для интересных дополнений, особенно с учетом экстраполяции на Россию. Отсюда возникает необходимость рассмотреть soft power как политологический неологизм и полноценную научную категорию, а также проанализировать ее «российское измерение» в контекстах внутренней и внешней политики. Таким образом, работа состоит из двух аналитических блоков. В первом предпринята попытка теоретического обновления концепций «мягкой мощи» в условиях динамичного пространства глобальной политики, во второй — диагностируется успешность и потенциал российских «мягких стратегий», выявляются их преимущества и недостатки, а также перспективы применения.

На наш взгляд, не столь принципиально концентрировать внимание на лингвистических тонкостях «правильного» перевода словосочетания «soft power» на русский язык [12] или комментировать азартно-полемиические высказывания популярного политолога, охарактеризовавшего концепцию «мягкой мощи» как «одноразовое клише — поделку Запада» [9].

Для теории глобальной политики важнее следующее. Концепция «одного из самых мощных интеллектов современной американской нелиберальной традиции» (1) при всей ее методологической дискуссионности и спроецированности на внешнеполитической практике США задала одно из магистральных направлений для исследования внешнеполитического влияния государств в эру «информационного постмодерна», сменяющей парадигму индустриального развития (2).

Теория создана в принципиально новой международной среде, качества которой определяются стремительным развитием информационных технологий, интенсификацией публичной дипломатии, гуманитарного обмена, распространением единых культурных стандартов и, что немаловажно — повышенной потребностью в политико-идеологической самоидентификации. Популярность «мягких» стратегий во многом стала следствием растущего запроса на политическую и цивилизационную идеологию [8].

II

Soft power необходимо рассматривать в координатной системе информационного общества, где формально существующие национальные медиапространства уязвимы для внешнего влияния. Причем аналитические призмы необходимо настраивать с точки зрения глобального медиапространства (3) как непрерывной и гипердинамичной окружающей среды международных отношений. Именно впечатляющее развитие информационного пространства и соответствующих возможностей в «виртуальных измерениях» международных отношений делают «мягкую мощь» центральным инструментом для бесконфликтного достижения внешнеполитических целей.

Прицельное транслирование образа жизни, идей, имиджей, этических и моральных экстраполяций стало возможным в информационную эру, когда главными факторами являются скорость распространения и тиражирования устойчивых образов. Строго говоря, образ и имидж государства, его политических, религиозных, моральных ценностей существовал ранее, но для его формирования и распространения требовались десятилетия или даже века. Сегодня информационный менеджмент и PR-стратегии делают ту же работу за несколько месяцев. Надо лишь правильно выбрать коммуникационные каналы, сформировать и растиражировать позитивные паттерны (4) политических и социальных ценностей.

III

В 2008 г. Дж. Най в очередной раз уточнил источники структуры «мягкой мощи» (5). Выделены три основные составляющие: *внешняя политика* (при условии ее легитимности и обладания моральным авторитетом), *политические ценности* (если внутренняя и внешняя политика государства согласуется с ними), *культура* (6) (в особенности ее компоненты, привлекательные для других) [18. P. 96].

Определяются также арбитры (Referees) мягкой мощи и объекты ее воздействия (Receivers).

Арбитры и легитимизирующие институты — это не только регулирующие, но и коммуникативные инструменты «мягкой мощи», прежде всего совокупность медиаресурсов и два вида дипломатии. Целевые группы (реципиенты) — политические и экономические элиты, социально активные группы людей, воспринимающие ценности, установки и симпатии, индоктринируемые через *soft power*.

Необходимо остановиться на коммуникационных каналах «мягкой мощи».

С одной стороны, рост мировой напряженности, тотальная турбулентность в «хаотичном мире с непонятными целями движения» [2] предполагают осторожные коммуникации по проверенным тропам (традиционная дипломатия). Как реакция на риски международной среды во внешней политике большинства стран возрастает степень непубличности, кулуарности.

С другой стороны, очевидно, что без открытых информационных платформ дипломатические каналы воздействия «мягкой мощи» практически обесцениваются. Цели, действия и результаты в сфере официальной дипломатии должны иметь PR-поддержку, в том числе через публичную дипломатию и т.н. «третий» (некоммерческий) сектор.

Традиционную и публичную дипломатии (коммуникативные субструктуры которых существуют в медиaprостранстве) необходимо выделить как наиболее эффективные каналы распространения «мягкой мощи». Но они не самодостаточны: действия должны сопровождаться интернет-поддержкой, в частности, через профильные виртуальные сети [18. Р. 104]. Можно указать на российский опыт — социальные сети «Свободный мир» (создана по инициативе Г. Павловского [1]) и «Профессионалы», в которых существуют управляемые дискуссии в рамках групп, объединенных по областям политической теории, внешней и внутренней политики.

IV

В работах, исследующих феномен *soft power*, за пределами методологического поля зрения остаются две ключевые составляющие — экономическая мощь государства и господствующие религиозные доктрины. Обоснование очевидности присутствия первой из них заключается в том, что реализация идеологических стратегий всегда подразумевает экономические возможности государства. По сути, факт обладания «мягкой мощью» означает успешную экономическую модель страны — образец, притягательный для других акторов международной системы.

Активную международную деятельность правительств и парламентов, официальные и частные визиты, финансирование зарубежных представительств и другие эффективные действия в области традиционной и публичной дипломатии могут позволить себе только демократические и процветающие государства. При этом возможности экономической силы не декларируются напрямую, а как бы невидимы и находятся в эвентуальной, «подразумевающей» области. Такой подход отличен от концепций Дж. Ная, где анализируются только прямые экономические факторы (в условиях очевидной зависимости одного субъекта международной

политики от другого), такие как экономическое давление, льготная оплата услуг или материальное поощрение [17. Р. 40, 43].

Другой важный компонент «мягкой мощи», практически не рассматриваемый американским ученым и его последователями — это религиозные доктрины и их идеологическое влияние.

Тенденции в этой области характеризуются «диалектикой секуляризации», при которой, казалось бы, окончательная победа светского над религиозным в европейском христианском мире совпала с возвращением религии [6]. На фоне нравственной уязвимости глобализационных моделей и кризиса постмодернистских либеральных идеологий возрастает роль религиозного фактора в международных отношениях. Религия, включенная в большую политику, способна эффективно содействовать решению ряда международных проблем, обусловленных конфессиональными разногласиями — характерным индикатором глобализации.

Итак, в начальную структурную модель «мягкой мощи», представленную Дж. Наем, можно добавить два элемента, своеобразных «идеологических магнита» — экономический потенциал и религиозные доктрины. Сопоставив их с соответствующими арбитрами и реципиентами, получаем концепцию «мягкой мощи» с уточненными составляющими (табл. 1).

Таблица 1

«Мягкая мощь»: источники, арбитры и гаранты, объекты воздействия (7)

Источники	Арбитры и легитимизирующие институты	Целевые группы (реципиенты)
<i>Внешняя политика</i>	<i>Правительство, неправительственные организации (НПО), межправительственные и межгосударственные организации (МПО), медиа</i>	<i>Зарубежные правительства, экономические элиты (8), массовое сознание</i>
<i>Внутренняя политика и политические ценности общества</i>	<i>Правительство, медиа, НПО, МПО</i>	<i>Зарубежные правительства, экономические элиты, массовое сознание</i>
<i>Экономический потенциал</i>	<i>Правительство, МПО, медиа</i>	<i>Зарубежные правительства, экономические элиты, массовое сознание</i>
<i>Религиозные доктрины</i>	<i>НПО, МПО, медиа</i>	<i>Массовое сознание</i>
<i>«Высокая» культура</i>	<i>Правительство, МПО, НПО</i>	<i>Зарубежные правительства и массовое сознание</i>
<i>Массовая культура (поп-культура)</i>	<i>Рынки, медиа</i>	<i>Массовое сознание</i>

Нельзя исключать, что право на существование имеет и более развернутый список компонентов soft power. Например, такие индикаторы, как научно-технический прогресс общества или образование (профессиональный уровень нации) можно представить как отдельные элементы [3]. Однако в рассматриваемом контексте, избегая излишних типологических наслоений, правомерно включить эти показатели в сферу внутренней политики и «высокой» культуры.

V

Вернемся к оценке справедливости эпиграфа данной работы. Следуя обновленной структуре «мягкой мощи» (см. табл. 1), можно без труда разложить ее российскую версию на составляющие с соответствующими выводами и прогнозами.

В последние годы ресурсный потенциал позволил частично нивелировать катастрофические последствия распада СССР и повысить геополитический рейтинг страны. Однако тождественно возрождение «энергетического величия» России наращиванию ее «мягкой мощи»?

Принципиально конфронтационная идеология Москвы после военных событий августа 2008 г. с последующей демонстрацией военно-морской мощи во многом была смягчена рядом интеграционных и правовых инициатив. Разработка Договора о Европейской безопасности, усилия по поиску общего макроэкономического и политического знаменателя для стран БРИК, активная позиция внутри «большой двадцатки» свидетельствуют о способности страны задавать векторы мировых дискуссий по актуальной проблематике, мыслить глобальными категориями. Несомненно, это работает на «мягкую мощь» и положительно сказывается на формировании макрорепутации.

Однако на уровень взаимоприемлемого баланса «жестких» и «мягких» стратегий российская внешняя политика пока не вышла. После того как закрываются саммиты и подписываются декларации, возвращаются «прагматичные будни внешней политики». Вновь актуализируется наступательная энергетическая стратегия, соответствующая упоминаемым выше критериям «жесткой» силы (давление на импортозависимых контрагентов; подталкивание к геополитическим уступкам, используя ценовые преференции). На эти аспекты обращают внимание многие критично настроенные российские и зарубежные эксперты (См.: [13; 14; 15; 20]).

Профессор Лондонского Королевского института международных отношений Дж. Шерр, консультирующий по вопросам России и стран СНГ профильные комитеты британского парламента, предупреждает, что «Россия возвращается к классической *realpolitik*, но с сильным геоэкономическим акцентом. Она способна использовать как „мягкую“, так и „жесткую“ мощь» [19. Р. 5].

Примечательно, что в западном аналитическом поле нашей стране редко откладывают в наличии «мягкой мощи», но почти всегда связывают ее дальнейшее укрепление с возможностью конвертации энергетического влияния в более гибкие формы нематериального воздействия, что вряд ли возможно без синхронизации внешней и внутренней политики.

Анализ перспектив наращивания «мягкой мощи» неизбежно выходит на тему внутренней политики и тесно связанных с ней политических ценностей общества. Здесь в оценке российских возможностей обнаруживается заметный скепсис. Необходимо указать, по меньшей мере, на два обстоятельства.

Первое из них заключено в том, что в политических моделях с тенденциями к авторитаризму по определению (9) не может существовать полноценная публичная дипломатия, как показано выше, один из базовых транслирующих инструментов «мягкой мощи». Сохраняющаяся вероятность авторитарного сценария создает дефицит достоверности и международного доверия. Именно в таких ситуациях и возникает необходимость *пропаганды*.

Дж. Най, отвечая на скептические замечания по поводу того, не является ли «мягкая мощь» и публичная дипломатия (как и вся терминологическая база его

концепции) эвфемизмом «пропаганды», заметил: «Пропаганда возникает там, где ощущается нехватка правдивости и достоверности. Это контрпродуктивно для „мягкой мощи“. Хорошая публичная дипломатия и пропаганда должны находиться на большом расстоянии друг от друга» [18. Р. 101].

Здесь критически важно указать, что «мягкая мощь» всегда побеждает пропаганду за счет более гибких и универсальных доктрин, основанных на привлекательных политических и экономических идеях. Второе скептическое обстоятельство состоит в признании очевидного факта соответствия наличия «мягкой мощи» и внутривнутриполитических ценностей государства, не подвергающихся сомнению (по крайней мере, жесткой критике) за пределами его границ. Там, где присутствует разрыв между реальным и желаемым (как правило, демократическим) образом государства на мировой арене, «мягкая мощь» исчезает или сокращается до регионального экономического влияния.

В полноценной модели «мягкой мощи» все компоненты взаимозависимы и органично функциональны. Еще знаменитый теоретик парламентаризма Дж. Милль говорил, что парламентские институты формируют политические ценности общества. В России же они не способны к этому по причине «одной трети возможностей», когда «вместо трех классических функций демократического парламента — законотворчества, контроля и формирования правительства — Федеральное Собрание РФ выполняет только первую» [5. С. 8].

Кроме того, «мягкая мощь» особенно эффективна, когда внешнеполитические концепты продумываются и иницируются опять же на парламентском уровне. При этом в ее основу закладывается то, что можно условно назвать гражданским внешнеполитическим сознанием. В России же непрозрачность зарождения реальных инициатив в этой сфере и сохраняющаяся функциональная подчиненность парламента существенно ограничивают возможности «мягкой мощи».

Отдельно следует указать на предельно высокую персонификацию внешней политики страны и ее идеологических оснований. У зарубежной аудитории часто создается впечатление, что самоуверенная и инициативная геополитическая риторика лидеров страны и объективная реальность существуют в разных плоскостях.

Сохраняется настроенность внешнего восприятия и по отношению к бизнес-элитам России. Здесь существует два аспекта. Первый связан с «ее недостаточной интеграцией в общемировые элитные сети... в силу скоротечности (и сомнений в законности — В.И.) периода начального накопления ее капиталов» [4]. Второй аспект является следствием высокой взаимозависимости политических и деловых элит, что дает основание характеризовать последних «как агентов Кремля» на мировой арене [20. Р. 75]. Вместе это существенно искажает нужное восприятие реципиентами (зарубежными элитами и массовым сознанием) российской экономической идеологии.

Более оптимистичные элементы несиловых стратегий связаны с конфессиональными факторами внешней политики, внимание к которым заметно усилилось за последнее десятилетие (10). На необходимость «подведения под международные отношения нравственных оснований, содержащихся в мировых религиях» указывает Министр иностранных дел РФ С. Лавров [7].

Одновременно осознается необходимость создания глобальных межконфессиональных структур, отражающих в своей деятельности рост значения религии в современных международных отношениях (11).

Русская Православная Церковь (РПЦ) позиционируется властью как значимый международный актор, исторически связанный с эволюцией российской государственности, в том числе в ее внешнеполитическом измерении. Есть все основания определить РПЦ в качестве политического субъекта, участвующего в формировании и продвижении «мягкой мощи» за рубежом. Такой подход следует признать принципиально верным, учитывая, что сегодня ряд международных проблем обусловлен религиозно-конфессиональными факторами, а РПЦ имеет необходимый идеологический и, что немаловажно, материальный потенциал для их разрешения.

Наконец, достаточно весомо выглядят шансы России в культурных пространствах «мягкой мощи». Умение заставить «работать» уникальное культурное наследие определяется не только объемами финансирования, но и искусством менеджмента. Обновление научно-технического потенциала и необходимая реформа высшей школы должны получить не только гражданский, но и внутривластный волевой импульс.

В отечественной политической науке начали появляться исследования отдельных элементов «мягкой мощи» [12].

Образовательные и обменные программы — сравнительно малоисследованный, но «долгоиграющий» фактор в международных отношениях.

Показательны, например, российско-кипрские отношения, неизменная положительность которых задана культурно-образовательным измерением «мягкой мощи». Президент Деметрис Христофиас, как и многие жители кипрского «политического Олимпа», студенческие годы провели в СССР. До сих пор этот факт продолжает задавать позитивные векторы в двусторонних взаимодействиях.

Преодоление стагнации в российско-литовских отношениях стало возможным благодаря смене руководства страны, когда на смену геронтократическому американскому проекту в лице В. Адамкуса пришла Д. Грибаускайте — выпускница Ленинградского госуниверситета.

Подобные, пусть даже и «геополитически малоформатные» примеры, должны стимулировать обновление образовательного ресурса, прежде всего через привлечение молодых постсоветских элит в лучшие университеты страны. Тенденции последних лет дают основания надеяться, что сохранившийся потенциал в сфере высшего образования преодолеет остаточный уровень, раскрыв новые перспективы «высокой» культуры.

В области «популярной культуры» главным регулятором является глобальный рынок, функционирующий по правилам спроса и предложения. Вряд ли стоит считать «прорыв на Запад» группы «Тату» и фильмов Т. Бекмамбетова результатами идеологического планирования. Секрет относительного успеха заключен в удачной конъюнктуре и профессионализме продюсеров.

VI

В заключение акцентируем важнейшие тезисы. Можно с уверенностью сказать, что возвращение «мягкой мощи» из публицистического поля в область теоре-

тической политологии выглядит достаточно перспективно. Ее рассмотрение в качестве важного компонента внешнеполитической стратегии государства позволяет обновить исследовательскую парадигму и категориальный аппарат таких дисциплин, как международные отношения, глобалистика, социология международных отношений.

Важный методический вывод состоит в том, что «мягкую мощь» можно представить как сумму идеологий: политических, экономических, культурных, религиозных. Вместе они составляют макроидеологический компонент внешнеполитической стратегии страны. Представляется, что такая формулировка во многом устраняет существующие разночтения понятия *soft power*, облегчая исследование закономерностей агентских действий в системе международных отношений, а также понимание взаимозависимости множества составляющих внешнеполитической стратегии государств.

В области общей теории «мягкой мощи» необходимо обратить внимание на следующие положения:

— «мягкая мощь» — политологический неологизм, перспективное понятие, позволяющий исследовать феномены распространения власти и идеологии в информационном обществе;

— полноценная «мягкая мощь» как системная идеологическая стратегия может быть присуща только демократическим государствам со зрелым гражданским обществом;

— традиционная и публичная дипломатии являются основными коммуникативными каналами *soft power*;

— экономическая мощь и экономическая идеология, а также религиозные доктрины являются важными составляющими «мягкой мощи».

Заключение по российской тематике можно суммировать следующим образом:

— основные ограничители национальной «мягкой мощи» лежат в сфере специфической внутренней политики, которая плохо коррелирует с внешним демократическим позиционированием;

— в настоящий момент в России можно констатировать наличие отдельных слагаемых в общей сумме идеологий, в основном в «высококультурных» и религиозных областях;

— конвертация энергетических возможностей в нематериальные дивиденды невозможна без синхронной демократизации внешней и внутренней политики;

— высокая персонафикация внешней политики затрудняет ее долгосрочное восприятие, способствуя эрозии политико-идеологических платформ «мягкой мощи»;

— отсутствие привлекательных политических ценностей и доказавших свою успешность сбалансированных экономических моделей лишает Россию ключевых позитивных паттернов, способных тиражироваться вовне.

Тем не менее, Россия имеет неплохие шансы выиграть время для необходимого политического и социального обновления, комбинируя отдельные элементы «мягких» стратегий. При благоприятных внутривнутриполитических условиях это дает неплохие шансы для сборки полнофункциональной модели «Russia's soft power».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Такую характеристику Дж. Наю дал В. Трибрат в рецензии на одну из его работ (См.: [11]).
- (2) Заметим, что это негарантированный сценарий, возможный лишь при условии позитивного результата нарастающих процессов глобализации.
- (3) Возможно, с точки зрения необходимости обновления терминологической базы концепции «мягкой мощи» здесь точнее употребить термин «киберпространство». Несмотря на кажущуюся виртуальность, этимология греческого слова «kybernetike» восходит к понятию «искусства управления», предельно близкого к сфере политического.
- (4) В данном контексте удачный англицизм, переводящийся как «модель или пример для подражаний».
- (5) Впервые концепция сформулирована в 1990 г. (См.: [16]).
- (6) Культуру Дж. Най традиционно делит на «высокую» и «массовую» (поп-культуру). При этом наука и технологии входят в первую из них.
- (7) Перевод всех терминов и уточнения сделаны автором статьи на основе [18. Р. 107].
- (8) В концепции Дж. Наю, здесь и далее в таблице, эта важнейшая группа реципиентов отсутствует.
- (9) Публичная дипломатия осуществляется независимыми от государства акторами в условиях полноценного гражданского общества.
- (10) На это, в частности, обращает внимание Концепция внешней политики РФ, утвержденная 12 июня 2008 г. Показательно также наличие исследовательского центра «Церковь и международные отношения», созданного в 1996 г. совместным решением МИД России и Московского патриархата для подготовки кадров в области межконфессиональных отношений и международных церковных связей.
- (11) В начале 2008 г. Россия выступила с инициативой создания при ООН Консультативного совета мировых религий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Билевская Э.* Свободный мир Глеба Павловского // Независимая газета. — 2008. — 10 мая.
- [2] *Валлерстайн И.* Куда идет наш мир? // Россия в глобальной политике. — 2008. — № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/34/10423.html>
- [3] *Давыдов Ю.* Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. — 2004. — № 1 (4). URL: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm>
- [4] *Казанцев А., Меркушев В.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. — 2008. — № 2.
- [5] *Коваленко В.* Проблемы трансформирующейся демократии в условиях новых вызовов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2007. — № 2.
- [6] *Кырлежев А.* Религия в современном мире: итоги века // Русская мысль. — 2000. — № 4246.
- [7] *Лавров С.* Саммиты в Бухаресте и Сочи: что дальше? // Профиль. — 2008. — № 15.
- [8] *Матц У.* Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. — 1992. — № 1—2.
- [9] *Павловский Г.* Soft Power — это по-русски? Сетевой ньюслеттер «Русский журнал». URL: <http://www.russ.ru/pole/Soft-Power-eto-po-russki>
- [10] Россия и мир 2009. Доклад ИМЭМО РАН и Фонда Перспективных исследований и инициатив. URL: http://www.globalaffairs.ru/docs/imemo_prognosis.pdf
- [11] *Трибрат В.* «Мягкая безопасность» по Дж. Наю // Международные процессы. — 2005. — Т. 3. — № 1. URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/014.htm>
- [12] *Фоминых А.* «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. — 2008. — Т. 6. — № 2. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm>

- [13] *Ashund A., Kuchins A.* The Russia Balance Sheet. — Peterson Institute for International Economics, 2009.
- [14] *Chunan A.* The Social Construction Of Russia's Resurgence: Aspirations, Identity, and Security Interests. — Johns Hopkins University Press, 2009.
- [15] *Mankoff J.* Russian Foreign Policy: The Return of Great. — Rowman & Littlefield, 2009.
- [16] *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. — N.Y.: Basic Books, 1990.
- [17] *Nye J.* The Powers to Lead. — Oxford University Press, 2008.
- [18] *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Science Academy of Political and Social. — March 2008.
- [19] *Sherr J.* Russia and the West: A Reassessment // Shrivvenham Paper. — № 6. — January 2008.
- [20] *Trenin D.* Russia Reborn // Foreign Affairs. — November-December 2009.

**«SOFT POWER»:
THE UPDATED THEORETICAL CONCEPT
AND RUSSIAN ASSEMBLY MODEL**

V.S. Izotov

The Department of World and Russian Politics
The Moscow State University
Lomonosovsky prospect, 25, Moscow, Russia, 119192

The article is dedicated to critically important informational and ideological aspects of Russia's foreign policy. The goal is to revise and specify the notion "soft power" in the context of rapidly changing space of global politics.

During the last years international isolation of Russia, including informational and ideological sphere is increasing. The way to overcome this negative trend is modernization of foreign policy strategy on the basis of updating of operational tools and ideological accents. It's becoming obvious that the real foreign policy success in the global world system is achieved by the use of "soft power".

The author tries to specify and conceptualize the phenomenon of Russia's "soft power" as a purposeful external ideology facing the urgent need of updating.

Key words: "soft power", Russia's foreign policy, globalization, global media space.